

ОТ ВЕКА К ВЕКУ

ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ

Ленинградский академический театр драмы имени А. С. Пушкина отмечает свой 225-летний юбилей. Эта дата относится не к одному лишь славному прошлому прославленной рус-

ской сцены, но и к истории недавней, связанной с развитием советского театрального искусства, с утверждением образа нового героя на современной советской сцене.

...Указом от 30 августа 1756 года был учрежден «Российский для представления трагедий и комедий театр». Прошло немного времени, и новый коллектив уже выдвигал одно имя за другим. Назовем только А. Сумарокова, Ф. Волкова и И. Дмитриевского, основателей патристической традиции театра.

Гражданственность — и в настроении публики, и в игре актеров, и в самом репертуаре — стала особенно очевидной в начале прошлого века, когда Россия боролась с иноземными захватчиками. Так, с горящей страстью звучали монологии трагика А. Яковлева — исполнителя главной роли в трагедии В. Озерова «Дмитрий Донской». Петербургская сцена не прошла мимо декабристского движения, борьбы против крепостного права и самодержавия. Широко известны отзывы Герцена и Белинского о значении поставленных здесь «Ревизора» Гоголя и «Горя от ума» Грибоедова.

В 1832 году состоялось торжественное открытие нового здания театра, построенного по проекту архитектора К. Росси для петербургской труппы. Так на строгом фронтоне Александровского, ныне — Пушкинского театра появилась четверка вздыбленных коней...

Пушкинский театр дорог ленинградцам так же, как Русский музей или Эрмитаж. На его сцене играл великий трагик В. Каратыгин, вызвавший в роли Чацкого восхищенные зритель восторженное своего героя, его бунтом против барина Фамусова и его окружения. Играл актер широкой и доброй души А. Мартынов, трагикомический талант которого можно сравнить с искусством Чаплина, только герой его был русский, из прошлого века, увлеченный и оскорбленный, забытый судьбой маленький человек. Эта сцена знала и Барвару Асенкову с ее легендарным обаянием, в мятежном, страстном Веру Комиссаржевскую. Здесь выступала и мастера филигранного, совершенного сценического рисунка, и пламенные фанатики проповедника, подобные известной крестьянке-актрисе Пелагее Стрешневой. Играла пленительно утонченная Мария Савяна, которая навсегда оставила в памяти любители театра представление об «узорчатой» игре, о психологическом кружении персонажа. Здесь выступала В. Давыдов, К. Варламов, обладавший редкостным дарованием комического актера, — он только выходил на сцену, и зрители уже радостно смеялись...

После победы Великого Октября перед мастерами бывшего Александровского театра встал вопрос перехода, как выражался в те годы А. В. Луначарский, «на советские рельсы». Переход оказался сложным. Красногорич, например, эпизод чинки Маяковского своей пьесы «Мистерия-Буфф» на собрании труппы театра. Там, по сюжету, пролетарии рвутся к коммуне, а на пути их — ад, где черти поджаривают грешников. В этом месте часть alexandrincevsky воздвигла от неоязыданности, и многие... перекрестились.

Внимательно прослушав сочинение молодого поэта, старики актеры похвально отказались от необычного таланте, но от постановки «жощущественной» пьесы отказались, сославшись на несомненность автора в театре. Интересно, что позже Маяковский все-таки появился на пушкинской сцене — в роли его в спектакле «Они знали Маяковского» выступил Николай Черкасов, артист, которого зарубежная пресса назвала «самым политическим актером эпохи».

Пушкинский театр всегда блистал созвездием имен — В. Корчагина — Александровская, Ю. Юрьев, И. Певцов, К. Скоробогатов, В. Мичурин-Самойлова и многие другие. Встреча старейшего театра с новой советской действительностью вызвала к жизни и новые актерские победы, подтвердила верность alexandrincevsky традициям русского реализма.

Спектакль «Ярость», поставленный Н. Петровым и оформленный Н. Акимовым, — пример «яростного» и бескомпромиссного решения проблем, выдвинутых временем. Его зрители, захваченные происходящими на сцене событиями, вставали со своих мест, превращаясь в участников финала-митинга.

«Страх», «Борис Годунов», «Полководец Суворов» — эти спектакли имели большое значение для советской сцены, так же как «Лес», «Живой труп», «Пучина», «На дне», «Бег», «Оптимистическая трагедия». Утверждал себя новый герой, прославлялась отечественная история, постигалась классика.

В «Победителях» образ полководца был создан замечательным художником Н. Симоновым. Поставленный В. Кожичем в 1946 году, спектакль рассказывал о том, как, по словам героя, «на страшном огне сплавились в русскую доблесть, трезвость, и выносливость пятилеток, и еще такая небывалая мера воли и мужества». Была в искусстве Сиимонова невысказанная, неутоляющая боль, она, кажется, клочкотала в недрах его таланта.

С другим выдающимся актером современности Ю. Толубеевым связывало явное зрительское чувство. Может быть, его можно определить как «чувство родного и обыкновенного». Толубеевский герой и значителен, и поэтичен, во прежде всего он излучает теплоту и выделен той сердечностью, которая дает людям ощущение душевной общности. Замечательным мастером был в недавно ушедший от нас В. Меркурьев. Всем запомнился хитроватый прищур его глаз, его чуть хрипловатый, с гортанными нотками голос. Последней ролью Меркурьева стал хирург Бурцев в спектакле «Пока бьется сердце». Сквозь поток издевок, мрачноватых шуточек, грубоватых откровений в чудесной прорывался к нам своеобразный характер старого военврача, спасшего в свое время тысячи жизней.

Когда всматриваешься в человека, который сегодня появляется на сцене Пушкинского театра, то замечаешь живую силу традиций. Чеховский «Иванов», сыгранный И. Горбачевым, окружен зеленой

глушью метафорических декораций. В пиджаке болящего поэта и сам Иванов, незащищенный, печальный. Когда слышится выстрел и герой уходит из жизни, то это воспринимается как искупление вины за бездействие, как нравственное очищение. И в прощальном взгляде Иванова видна боль за человека.

Уже не раз в истории пушкинской сцены возникала подобная тема. Сражение за достоинство человека идет в «Высшей мере», где Б. Фрейндлих вдохновенно передает безмерную преданность интеллигентный родному Ленинграду в дни блокады; в «Мелодии для павильона», где А. Борисов играет старика, комически упрямое и даже капризного, но удивительно доброго и светлого душой.

Музыка жизни человеческого духа не перестает звучать на сцене старейшего русского театра. Хотя сегодня перед коллективом стоит немало сложных проблем, требующих своего разрешения. Так, законная живописная щедрость, укрупненность искусства, традиционные для давнего театра, оборачиваются в игре некоторых артистов поверхностностью в раскрытии образов, пренебрежением к мастерству перевоплощения. Монументальность и обобщенность в таких случаях подменяется приблизительностью. Вряд ли принесет пользу коллективу и благодушное отношение прессы к отдельным, далеко не самым удачным его спектаклям.

Вместе с тем хочется приветствовать стремление театра (художественный руководитель И. Горбачев) привлечь сюда крупных актеров разных поколений, воспитать талантливую молодежь. Налицо перемены и в отношении к проблеме режиссуры. Еще не так давно многие пушкинцы считали свой театр традиционно актерским, вторжение новой режиссерской идеи расценивалось как покушение на устои. Да, эта сцена всегда славилась актерскими именами, но в прошлом она выдвигала и не менее значительные имена постановщиков: В. Мейерхольд, В. Кожич, Б. Сущенкин, Н. Петров, Г. Козинцев, Н. Акимов, Г. Товстоногов. А мудрый в талантливый Л. Янышев основал, можно сказать, школу режиссуры, специфическую для давнего театра. И сегодня здесь остро необходимы свежие, оригинальные, созвучные времени режиссерские идеи. Можно заметить, что ныне в Пушкинском театре почувствовался вкус и к сцене-графики. Оформляли спектакли М. Китаев, Д. Лидер, молодые художники.

У коллектива интересные репертурные планы, скоро зрители увидят на старейшей сцене Пушкина, Мольера, новую пьесу А. Салынского. К юбилею коллектив показал спектакль «Театральный разлад» через 225 лет после основания театра» (режиссер Н. Шейко). Хочется верить, что Пушкинский театр останется самобытным, каким был всегда, и, отвечая высоким требованиям современности, будет и впредь вносить весомый вклад в развитие советского театрального искусства.

Ю. СМЕРНОВ-НЕСВИЦКИЙ.